

Довольно давно мой старый друг и коллега В. К. Егоров издал книгу «История есть смена поколений» (М.: Молодая гвардия, 1986) и защитил на эту тему докторскую диссертацию. Культура тоже развивается от поколения к поколению и представляет собой смену поколений. Более того, исторические события прошлого проходят, а культура ушедших поколений живет в традициях, верованиях, произведениях литературы и искусства, в архитектуре. Каждое время порождает новые литературные произведения. И их читают, чередуя с чтением классики. Рядом со зданиями, построенными много лет назад, возводятся новые: в городах с усадебными постройками соседствуют доходные дома начала XX века, здесь же здания сталинского ампира, и тут же появляются торговые и офисные центры ультрасовременного вида. И горожанин ежедневно видит это разнообразие стилей.

Стили разных эпох могут гармонично сосуществовать даже в пределах одного архитектурного ансамбля. Например, во дворце Юсуповых в Архангельском под Москвой (ныне это музей-усадьба «Архангельское») гармонично сосуществуют барокко, классицизм и ампиры. В картинных галереях посетители из залов живописи XV века переходят в зал французских импрессионистов, а затем в залы современной живописи. И впечатления наслаиваются одно на другое. Вы идете на концерт, в первом отделении которого исполняется одна из симфоний Бетховена, а во втором — произведения Шенберга и Софьи Губайдуллиной. Впечатлений, как говорится, масса. Идет постоянный диалог культур прошлого и настоящего. Даже не диалог, а разговор, в котором участвует много собеседников и каждый из участников представляет определенный исторический период.

Автор предлагаемого доклада не претендует на раскрытие заявленной темы, он претендует лишь на постановку проблемы, которая, как представляется, заслуживает внимания.

Об исторических событиях свидетельствуют не только документы, хранящиеся в архивах, и воспоминания современников. Они запечатлены в произведениях искусства разных времен. Причем интерпретации событий и оценка исторических личностей быва-

¹ Директор Государственного музея-усадьбы «Архангельское», первый заместитель министра культуры РФ (2008–2013), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса. Автор монографий и статей по проблемам экономической теории, экономическим проблемам федерализма, серии статей по вопросам государственной службы, государственной политики в сфере культуры, книги «О роли культуры в развитии современного российского общества» и др. Награжден орденом Почета, Почетной грамотой Президента РФ, орденом Звезды Италии степени командора.

А. Е. Бусыгин¹

КУЛЬТУРА КАК СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

ют столь различны! Образ Столыпина в интерпретации историков советского периода ничего, кроме омерзения, не вызывал, а в конце 2012 года возле Дома правительства в Москве был открыт памятник Столыпину, причем в церемонии открытия приняли участие президент и председатель правительства, что свидетельствует о радикальной переоценке роли Столыпина в истории России на современном этапе.

Вопрос оценки исторических событий и ролей, которые играли в них известные деятели, имеет прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Оценка событий и персонажей прошлых времен — это важная составная часть культурного багажа поколений. В современной России диалоги на эту тему зачастую носят конфликтный характер: выносить ли Ленина из мавзолея? Романовы, которые более 300 лет были правящей Россией династией, — неустанные труженики на благо Отечества (и поэтому 400-летие дома Романовых надо праздновать на государственном уровне) или второстепенные персонажи на фоне выдающихся писателей, композиторов, ученых, прославивших Россию своими творениями и достижениями? Для подавляющего большинства советских людей немислимой казалась возможность издать биографии российских венценосцев в серии «Жизнь замечательных людей». Современной молодежи же это воспринимается как само собой разумеющееся. Более того, в этой же серии в последние годы изданы биографии Аракчеева, Столыпина и других исторических деятелей, деяния которых в советский период предавались анафеме.

Огромное влияние на то, как представители того или иного поколения в массе своей относятся к событиям прошлого, оказывают школьные учебники. За последние 100 лет в России чуть ли не каждое новое поколение обучалось по учебникам, в которых трактовка исторических событий радикально менялась. Приведем лишь несколько примеров. В 1915 году вышел в свет учебник «Русская история (курс младших классов)». Автор учебника — приват-доцент Петроградского университета, впоследствии профессор, академик Академии наук СССР А. Е. Пресняков. Во Введении он объясняет, о чем рассказывает курс отечественной истории: «История русского народа повествует о прошлых переменах в быту наших предков, которые в течение многих веков трудились над созданием и устройством нашей Родины». И далее: «Нам нужно знать историю родного народа, чтобы лучше понимать нашу нынешнюю русскую жизнь, чтобы помнить, как много положено труда и жертв на создание нашей Родины прежними поколениями русских людей, и с честью продолжать их работу над улучшением всего нашего быта».

в борьбе с людской нуждой, со всякой неправдой и несправедливостью в нас самих и между людьми».

Когда Ленин в 1922 году поставил вопрос о создании марксистских учебников для школы по общественным наукам, он говорил о том, что молодое поколение учиться общественным наукам «на старом буржуазном хламе». Был объявлен конкурс на создание учебников по истории. В 1923 году вышел «Учебник истории» Е. К. Замысловской (М. ; Пг. : Госиздат, 1923) для школ первой ступени. По сравнению с изданием Преснякова в этом учебнике поставлены несколько иные акценты. В частности, если последний ничего не говорил о Степане Разине, Емельяне Пугачеве и декабристах, то Замысловская рассказывает о них подробно. С другой стороны, если Пресняков счел важным рассказать о Дмитрие Донском и Куликовской битве, о гражданине Минине и князе Пожарском, то Замысловская о них и не вспоминает. Интересно, что у Замысловской ни слова не сказано о Крымской войне, в то время как Пресняков в своем учебнике посвятил этому историческому событию отдельную главу, в которой оборону Севастополя назвал одной из самых славных страниц в русской военной истории.

Поскольку стояла задача воспитать у школьников ненависть к эксплуататорам, в учебнике Замысловской в духе времени говорится о народном ополчении 1812 года: «Помещики-дворяне взялись составить ополчение для подкрепления регулярной армии и уже тут, конечно, сведены были счеты со всеми теми из крепостных, кто не угодил барину или приказчику-управляющему. Отправляли в ополчение и всех убогих, которых помещику невыгодно было кормить, как плохих работников, и все это под видом патриотического подвига». Да, акценты в учебнике 1923 года иные по сравнению с учебником 1915-го, но в чем-то они близки — созданы-то они людьми одного поколения, хотя в соответствии с разным «социальным заказом». Но задача изучения истории авторами понимается практически одинаково. В «Указаниях для учителя» автор учебника 1923 года пишет, что прежде всего «следует приохотить детей к изучению истории, приучить их к мысли, что история, даже приспособленная к детскому пониманию, вовсе не есть собрание случайных, отрывочных фактов, это есть стремление восстановить картину прошлого по тем обломкам его, которые до нас дошли». Можно в детях воспитать, продолжает автор, «сознательно бережное отношение к памятникам старины, даже к рисункам, воспроизводящим эти памятники. Говоря о раскопках, необходимо внедрить в детское сознание, что всякий, раскапывающий старый курган для собственной забавы или из корыстных целей, совершает тяжкое преступление перед всем народом, так как всякая сохранившаяся старина есть народное достояние». Как актуально это звучит сегодня, спустя почти 90 лет после написания этих строк!

В учебниках, появившихся позже, тема классовой борьбы выходит на первое место и затмевает собой все прочее. Вершиной процесса совершенствования учебников по истории с целью усиления темы революционной борьбы трудящихся против эксплуататоров явился «Краткий курс истории СССР» под редакцией профес-

сора А. В. Шестакова, изданный в 1938 году. Не исключено, что сам И. В. Сталин принял участие в работе над изданием. В этом учебнике об угнетении трудового народа говорится чуть ли не на каждой странице. В разделе о становлении государства: «Небольшая кучка богатых стала жить за счет огромного большинства трудящихся». В следующей главе: «В IX веке князья и бояре очень усилили угнетение народа». Показательны названия разделов: «Россия XVIII века — империя помещиков и купцов», «Царская Россия — жандарм Европы». Задача учебника проста — возбудить классовую ненависть к угнетателям. Сегодня смешно читать, например, такое: «Во время восстания Разина, как и во время восстания Болотникова, у крестьян не хватало такого надежного союзника, как организованный рабочий класс». Какие разные учебники формировали историческое сознание следующих друг за другом поколений!

В современный период времени, вернее сказать, примерно последние 100 лет люди каждого нового поколения являются людьми «иной культуры». Это верно для подавляющего числа существующих ныне стран. Первый фактор, меняющий культуру поколений, — это научно-технические достижения, носящие революционный характер. Об этом говорили уже несколько десятилетий назад, когда тема научно-технической революции была в центре внимания и технарей, и гуманитариев. Тогда уделяли внимание тем переменам, которые грядут, говорили о тенденциях и первых их проявлениях. К сегодняшнему дню научно-технические достижения сформировали целостную культуру нового поколения.

Люди старших возрастов наверняка помнят, как сравнительно недавно перед праздниками 1 мая и 7 ноября в НИИ, вузах, заводоуправлениях и других учреждениях все пишущие машинки сносились в комнаты, которые занимал так называемый Первый отдел, и двери этой комнаты опечатывались. Эта затея кагэбэшников должна была предотвратить возможность печатания подстрекательских материалов антисоветскими элементами в пустующих в праздничные дни кабинетах. Это стало привычным и воспринималось подавляющим большинством советских людей как само собой разумеющееся. Это была советская культура поведения, которая новому поколению кажется дикой. Да, сегодня, в эпоху Интернета и мобильной телефонной связи, невозможно какое-либо ограничение распространения информации. Думается, что советский строй с его нелепыми ограничениями рухнул во многом и потому, что «железный занавес» уже не мог разделять единое информационное пространство в новую эпоху. Последняя такая попытка разделить единое информационное пространство в мире была снята недавно: Мьянма (Бирма) отказалась от многолетней практики недопущения в страну иностранцев с мобильными телефонами (раньше эти средства связи надо было сдавать на хранение в аэропорту на время пребывания в стране).

Новая информационная эпоха оказывает огромное влияние на язык общения. Следует признать, что все больше англоязычных слов используется в русском

языке именно в связи с широким распространением информационных технологий. Причем имеется в виду не только появление слов, аналогов которым в русском языке нет (интерфейс, файл, «Фейсбук» и др.), но и использование английских слов вместо русских глаголов. Нередко приходится слышать, например, такие фразы: «Зафайль мне этот материал» или «Отпринтуй эту статью» и т. п. Появляется новый сленг, на котором разговаривают все больше и больше людей.

Русский язык действительно находится в состоянии «нервного срыва». Уровень грамотности (с точки зрения правописания русских слов и стиля) в молодежной среде снижается. Прежде молодой человек, находясь на срочной военной службе, хотя бы раз в неделю писал письма домой, друзьям, подругам. И благодаря этому развивал свою грамотность или хотя бы поддерживал ее. А ныне? Зачем писать письма, если у каждого есть мобильный телефон? Практика же общения посредством СМС никак не способствует поддержанию уровня грамотности, наоборот, как бы поощряет ее снижение. В этих условиях следует значительно увеличить число учебных часов, уделяемых изучению литературы в средней школе. Об этом много говорится, но пока ничего не делается. А делать нужно срочно, иначе будет поздно. Да и подходы к изучению русского языка и литературы в школе надо менять.

Недавно был создан список из 100 отечественных фильмов, рекомендуемых школьникам для просмотра. Это хорошая инициатива, так как наряду с литературной классикой появилась отечественная киноклассика, с которой желательно знакомить новые поколения. Судя по этому списку, большинство киношедевров было создано в 1960-е годы, на втором месте — 1970-е, на третьем — 1980-е, а из снятых в 1990-е годы фильмов составители списка сочли возможным включить только один фильм — «Утомленные солнцем» Н. С. Михалкова (1994). Все фильмы, что сняты позже, видимо, не дотягивают до критериев, которые взяты за основу отбора фильмов.

Остается вопрос: будут ли эти фильмы интересны молодым людям? Киноязык так же меняется, как и язык общения. Статичные кадры фильмов Эйзенштейна разительно отличаются от динамичных кадров современных фильмов. Можно провести аналогию: различие поэтического языка Ломоносова и языка Пушкина или большинства современных поэтов. Детей надо приобщать к киноклассике так же, как их знакомят с классикой литературной. В отечественном кино советского периода все персонажи разговаривали на хорошем русском языке (хотя многие и курили при этом). Поэтому надо и еще раз надо рекомендовать детям отечественное кино!

Кстати, вспоминается А. С. Пушкин: «...Критик строгий / Повелевает сбросить нам / Элегии венки убогий, / И нашей братье рифмачам / Кричит: "Да перестаньте плакать, / И все одно и то же квакать..." / "Пишите оды, господа, / Как их писали в мощные годы, / Как было встарь заведено..." / "Но все в элегии ничтожно; / Пустая цель ее жалка; / Меж тем цель оды высока / И благородна..." Тут бы можно / Поспорить нам, но я молчу: / Два века ссорить не хочу». Вот именно: нуж-

но ли противопоставление веков? И надо ли настаивать на том, что все следует делать так, как «было встарь заведено»? Пример из недавнего прошлого: борьба «с формализмом» в советской музыке в 1940-е годы, когда руководители государства учили великих композиторов, какую музыку надо писать? Сегодня это воспринимается как анекдот. Но для прошлого поколения это была трагедия! Это искалеченные судьбы, это травля, это урон культуре! В связи с этим возникает еще один вопрос: надо ли искусственно поддерживать то, что устарело, что соответствовало другому веку, другой культуре? Например, следует признать, что так называемые «толстые» журналы умирают и уже умерли бы окончательно, если бы не поддержка, которую им оказывает государство.

Для целого поколения наших соотечественников «Новый мир», «Современник», «Юность», «Москва», «Дружба народов» и другие «толстые» журналы были частью жизни, «пищей духовной», их содержание обсуждали, с нетерпением ждали новых выпусков, в библиотеках на них была очередь. Они издавались миллионными тиражами. Но культура «толстых» литературных журналов ушла в прошлое. И не потому, что новое поколение не интересуется литературными новинками, а прежде всего по причине того, что издательский цикл резко сократился и на издание новой книги ныне требуется не несколько месяцев, а несколько дней; сегодня есть Интернет, электронная книга. И как бы ни было жаль «толстые» журналы, но они есть не что иное, как «уходящая натура». Помните, как пишет А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» о Ленском: «Поклонник славы и свободы, / В волненьи бурных дум своих, / Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их». Так и в этом случае: тиражи «толстых» журналов падают, так как новое поколение их не читает. Но для старшего поколения это огромная ценность, это воспоминание о лучших годах, о том впечатлении, которое произвели «Один день Ивана Денисовича», напечатанный в «Новом мире», и «Мастер и Маргарита» — в журнале «Москва».

Кроме научно-технических сдвигов на культуру поколений большое влияние оказывают социально-политические факторы. Это утверждение в целом бесспорно. Здесь важны нюансы, тонкости, частности, из совокупности которых и складывается культурная доминанта поколений. Лишь один маленький и частный пример: В. И. Немирович-Данченко был человеком, сформировавшимся в дореволюционной России, носителем старой культуры. И вот в 1920-е годы он пишет письмо в вышестоящую инстанцию, одному из ее руководителей, и привычно завершает послание словами: «Всегда готовый к услугам», но, перечитав письмо, зачеркивает эти слова и вместо них ставит: «С товарищеским приветом». Он таким образом «вписывает» себя в контекст новой культуры отношений, которая превалирует в новом обществе.

Есть случаи, при которых человек, достигший преклонного возраста, может как бы со стороны взглянуть на себя молодого как носителя культуры предшествующего поколения, подвергнуть ее анализу и произвести сравнение с существующим положением в этой

области. Одним из ярчайших примеров такого «взгляда со стороны» является книга Д. Гранина «Мой лейтенант». Это поразительный анализ поведения, чувств человека другого поколения, жившего в иных, нежели сегодня, «предлагаемых обстоятельствах». Д. Гранин пишет о себе самом — о молодом человеке, каким он был 70 лет назад. Читатель знакомится с личностью человека в развитии, с изменениями его внутренней культуры, взглядов на жизнь, отношений к ней и к людям, его окружающим.

Далеко не всем дано посмотреть отстраненным взглядом на себя молодого со стороны как на «типичного представителя» другого поколения. Но если есть дар такого взгляда, появляется поразительное по сво-

ей силе произведение, стоящее многих научных работ на тему преемственности поколений и их различий.

Тема «Культура и смена поколений» представляется интересной для исследователей с философской, социологической и культурологической точки зрения. Смена культурных доминант в обществе не происходит вместе со сменой каждого из поколений. Но иногда такие смены происходят часто и бывают весьма глубокими. Общество заинтересовано в том, чтобы не было «потерянных поколений», «лишних людей», и поэтому данная тема должна изучаться, и на основе такого изучения следует разрабатывать рекомендации по обучению подрастающего поколения и работе учреждений культуры.